

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета о диссертации А.И. Бровца на тему:
«ДЕШИФРОВАЛЬНЫЕ СТИМУЛЫ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ
ЭКВИВАЛЕНТНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ СЛОЖНОСОКРАЩЕННОГО СЛОВА»,
представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук
по научной специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России

Рецензируемое исследование с первых страниц поражает читателя (в данном случае – рецензента) рядом нетривиальных моментов. Это дает мне право и отзыв свой построить тоже нетривиально и нетрадиционно, начав его прямо с замечаний.

И первое из этих замечаний (1) связано с необычной рубрикацией введения, включающего целых 13 самостоятельных пунктов, каждый со своим заголовком, пропусками пустых строк вокруг этого заголовка и прочими сопутствующими атрибутами. Строго говоря, такой вариант построения введения не нарушает никаких установленных правил и не только не мешает, но даже в какой-то степени помогает читателю, но при этом необоснованно увеличивает объем этой части текста диссертации. В нашем случае это целых 12 страниц работы, которая совсем невелика по объему и насчитывает менее 100 страниц текста. Вряд ли можно приветствовать такой выбор автора.

Второе замечание (2), внешне формальное, вызвано уже прямым нарушением требований к оформлению текста диссертации. А.И. Бровец отказался от формата ссылок на цитируемые работы с указанием имени автора и года издания, оставив в скобках только номер из списка литературы и, когда необходимо, страницу. Трудно представить себе что-нибудь более неудобное для вдумчивого чтения, каким должно быть чтение рецензента: надо либо игнорировать атрибуцию того или иного мнения, положения или цитаты, либо каждый раз заглядывать в конец работы в поисках автора упомянутых словаря, статьи, цитаты, мнения или положения.

Понимаю, что отвечать на оба эти мои замечания А.И. Бровцу не нужно, но и не высказать их я тоже не считаю возможным.

А теперь собственно о рецензируемой диссертации.

Актуальность работы обосновывается автором весьма обстоятельно, на 3-х страницах введения, и возразить тут нечего. Упомяну лишь отмечаемое А.И. Бровцом и важное для доказательства актуальности предпринятого им исследования «противоречие между аббревиатурной парой и гнездом эквивалентности, разница между которыми состоит в количестве соответствующих сложносокращённому слову словосочетаний» (с. 6). Если не учитывать этого факта, то знакомство со многими текстами, содержащими аббревиатуры, и их правильное понимание действительно может быть затруднено. Сочетание синхронного и диахронического подходов к описанию материала, которое использует А.И. Бровец, способно помочь в разрешении этого противоречия.

Разграничение понятий «аббревиатурная пара» и «гнездо эквивалентности» аббревиатуры, также важное для обоснования актуальности рецензируемой работы, определяет во многом и ее *научную новизну* и *теоретическую значимость*. Этим характеристикам своего исследования автор также посвящает специальные (пронумерованные) разделы введения. Разграничение этих понятий важно и в *практическом отношении*: прежде всего для составления «Толкового словаря сложносокращенных слов русского языка», который создается в Донецком университете под руководством и редакцией В.И. Теркулова и в интересах которого (и словаря, и его редактора) и выполнено исследование А.И. Бровца.

С актуальностью диссертационного исследования связано и введение в работу, определение и использование понятия «дешифровального стимула», понимаемого как набор форм, составляющих (формирующих) гнездо эквивалентности и по-разному представляющих сокращенный компонент той или иной аббревиатуры (с. 7). Уже в этой части диссертации много примеров, которые снимают все готовые возникнуть (и возникавшие!) в ходе чтения вопросы по поводу того или иного теоретического положения – и это нужно отметить как несомненное достоинство рецензируемой работы.

В третьем разделе введения А.И. Бровец сформулировал, наконец, *цель* своего исследования: это «комплексное описание системы дешифровальных стимулов сложносокращённых слов русского языка в рамках синхронного подхода к аббревиации» (с. 8), и здесь, как следует из этого определения, он уже провозглашает исключительно синхронный подход к анализу материала.

Материал, с которым работал А.И. Бровец, составили 13 тыс. единиц из картотеки «Толкового словаря сложносокращенных слов русского языка» (с. 11), но к этой цифре я еще вернусь.

Весь текст работы А.И. Бровца, следующий после введения, поделен еще на три части, которые мне не удалось однозначно соотнести с традиционным делением на теоретическую (обзорную) и исследовательскую главы. Здесь автор снова проявил некоторую креативность в формировании своего диссертационного исследования и рассредоточил обсуждение всех положений, связанных с объектом исследования (дешифровальным стимулом), по этим трем частям, чередуя обзор литературы и анализ конкретного материала.

На статус обзорной главы претендует разве что первая из этих трех частей, демонстрирующая, что рецензируемое исследование опирается на солидную *теоретическую базу*, в основном лексикографического характера. В этой части работы дан большой обзор существующих словарей аббревиатур и универбатов. Завершается этот обзор описанием «Толкового словаря сложносокращенных слов русского языка», членом авторского коллектива которого (сотрудником Экспериментальной лаборатории исследований тенденций аббревиации) является, по-видимому, и сам А.И. Бровец. И тут у меня возник забавный вопрос (3): интересно, называют ли эти сотрудники себя ЭЛИТА? Эта аббревиатура буквально просится на язык...

В этой части работы я нашла тезис, который автор позаимствовал у Г.Н. Складневской (вот и пришлось заглянуть в список использованной литературы, чтобы раскрыть «тайну» номера 147, которым была сопровождена эта важная цитата): носителю языка, пишет Г.Н. Складневская, «важнее не то, от чего образовано слово, содержащее аббреконструкт (то есть традиционная фиксация *аббревиатурной пары*. – Н. Б.-Б.), а то, каково значение этого слова, какие слова и словосочетания он может использовать в качестве эквивалентов аббревиатуры в тексте, каким образом изменяется значение аббревиатуры в зависимости от значения соотносимого с ней словосочетания (то есть каково в данном случае *гнездо эквивалентности*, если пользоваться термином А.И. Бровца и В.И. Теркулова. – Н. Б.-Б.)» (с. 33). Эта мысль очень близка и мне, далекой от всякой аббревиации: носителю языка действительно важно не только (и даже не столько) то, что *должно быть* по когда-то установленным правилам, а то, *как оно есть на самом деле*. Правила меняются совсем не так быстро, как наша речь, и современный словарь должен, по возможности, учитывать эту динамику.

В третьей и четвертой (теоретико-исследовательских) частях работы введены и обсуждаются все термины и понятия, используемые, по-видимому, в создаваемом

донецкими коллегами словаре. И вот тут я вынужденно повторяю свой совет этим коллегам (а с ними – и А.И. Бровцу), который год назад высказала на защите диссертации В.А. Рязановой на тему «Аббревиатурные группы в структурном и ономаσιологическом аспектах», выполненной под руководством того же профессора В.И. Теркулова и в рамках того же научного проекта. Думаю, что в дополнение к «Толковому словарю сложносокращенных слов русского языка» просто необходимо создать хотя бы краткий терминологический словарь, без которого знакомство с обеими работами (и, видимо, многими другими работами этого авторского коллектива) становится весьма затруднительным. В прошлом отзыве я собрала вместе все те термины, которые используются в работе В.А. Рязановой и обладают вполне конкретным значением, знакомым по преимуществу только автору и ее коллегам, – и этот список, набранный в подборку, занял у меня более половины страницы. В диссертации А.И. Бровца такой список ненамного меньше. Вот только часть используемых им терминов: *текстовая эквивалентность, аббревиационный конструкт и абброконструкт, аббревиатурная группа, гнездо эквивалентности, дешифровальный стимул (презентативный или интерпретативный, собственно презентативный или включённо-симультантный, модификационный интерпретативный, актантный релятивный и актантный числовой), псевдоунивербализация, семантическая аттракция, поликоррелятивность, симультант (абсолютный, включенный и изолированный), функционально-грамматическая коагуляция, реляционная коагуляция, аббревиационная морфема, псевдоунивербализационная синекдоха, внутриранговая альтернация, релевантная альтернация, дублетная альтернация, терминальная синонимия, симультантный абброконструкт*. В тексте диссертации все эти термины, конечно, поясняются, но как это выглядит в словаре? Хотелось бы услышать соображения А.И. Бровца на этот счет. Будем считать, что это вопрос-замечание (4).

Таким образом я уже перешла к вопросам и замечаниям. Два замечания прозвучали в самом начале отзыва, два вопроса я сформулировала только что, есть и еще несколько.

5. Хотелось бы понять, что именно все же сделал А.И. Бровец как исследователь, помимо обсуждения разнообразных теоретических положений и их иллюстрации материалами словаря. Во введении провозглашено, что в работе анализировались 13 тыс. единиц словника словаря. Что это за цифра? Это случайная выборка или как раз то количество сложносокращенных слов, в которых наблюдается упомянутое «противоречие между аббревиатурной парой и гнездом эквивалентности»? Ко всем ли единицам словаря (или всем этим 13 тыс. слов) применимо понятие дешифровального стимула? Иными словами, есть ли сложносокращенные слова, толкование которых однозначно? Или всегда возникает это противоречие? Если не всегда, то каково соотношение тех и других?

6. Как устанавливался в каждом случае круг дешифровальных стимулов? Один раз на страницах работы (с. 40 и сл.) было рассказано о проведенном опросе, по результатам которого этот круг для конкретных единиц был установлен. Но ни подробностей этого (единственного на все 13 тыс. слов) опроса, ни описания состава привлеченных к нему респондентов, ни даже полного словника пропущенных через опрос-эксперимент единиц в работе я не нашла. Привлекался ли для установления круга дешифровальных стимулов корпусный материал? Национальный корпус русского языка внесен в список источников работы, но никакого упоминания об обращении к нему в работе также не нашлось. То есть вопрос о способах установления набора возможных расшифровок для каждой единицы из

числа этих 13 тыс. остается для меня открытым, и ответ на него я буду рада услышать от автора.

7. В последней части своей работы А.И. Бровец представил проект «Словаря дешифровальных стимулов аббревиатур русского языка», о котором не было даже речи в перечне задач его исследования. Может быть, именно это – главное в рецензируемой работе? Чей это будет словарь? Лично А.И. Бровца – или коллектива сотрудников Лаборатории ЭЛИТА?

Видно, что основные мои вопросы связаны между собой – тем легче, полагаю, автору будет на них ответить.

Скажу далее, продолжая отзыв о работе, что объем научной литературы, которую проработал и описал А.И. Бровец, невелик, но вполне достаточен: 135 наименований (все на русском языке), включая статьи самого автора, и 15 словарей и источников.

Работа А.И. Бровца прошла и вполне достаточную *апробацию*: основные ее положения и результаты докладывались автором на 7-ми научных конференциях разного ранга, в основном международных, и представлены в 4-х публикациях, индексированных в ВАК РФ и Scopus.

С учетом всего вышесказанного полагаю, что все обязательные требования к кандидатским диссертациям в данном случае выполнены. Высказанные вопросы и замечания, как принято говорить, отнюдь не снижают общего положительного впечатления, которое производит рецензируемая работа.

Содержание диссертации А.И. Бровца на тему «Дешифровальные стимулы как средство формирования эквивалентностных отношений сложносокращенного слова» соответствует научной специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России.

Диссертация является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи, имеющей значение для развития соответствующей отрасли знаний: в данном случае – лексикологии, словообразования и лексикографии.

Нарушений пунктов 9 и 11 Порядка присуждения Санкт-Петербургским государственным университетом ученой степени кандидата наук в работе не выявлено.

Диссертация соответствует всем критериям, которым должны отвечать диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, установленным приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», а ее автор, А.И. Бровец, заслуживает присуждения ему ученой степени кандидата филологических наук по научной специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России.

Член диссертационного совета,
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русского языка
филологического факультета СПбГУ

Н.В. Богданова-Бегларян

20.08.2024